

ВЧЕРА мы рассказали об однодневном визите в Москву Бартабаса: знаменитый создатель и руководитель единственного в мире конного театра «Зингаро» приезжал в Москву, чтобы посмотреть, как идет подготовка к гастролем. Перед отъездом из Москвы в гостинице «Метрополь», где он остановился, Бартабас встретился с журналистами, а после пресс-конференции дал интервью корреспонденту «НГ».

Встречу Бартабаса с журналистами открыл глава Международной конфедерации театральных союзов Валерий Шадрин. Он рассказал, как много лет назад увидел спектакль Бартабаса в Авиньоне и тогда же захотел привезти его в Москву. Но столкнулся с кучей проблем: «Это было безумно заманчиво, но безумно дорого и безумно сложно технически». И лишь после того как Бартабас съездил со своим театром в Америку, Шадрин решил, что стоит попробо-

мы слишком связаны с тем, что у нас работают особые актеры — лошади. Лошади не живут долго, и потому мы не можем показывать спектакли, созданные когда-то давно». До последнего времени в «Зингаро» работало пять лошадей-звезд, после смерти Зингаро, все они были отправлены на пенсию.

Особенностью «Зингаро» является то, что, как в старинных цирках, люди, занятые в спектаклях, живут вокруг театра, в фургончиках. И на гастроли по Европе театр отправляется всем «табором», со своим «жильем». «Наша жизненная философия», — говорит Бартабас, — жить и работать вместе, поскольку мы слишком привязаны к лошадям. «Зингаро» для меня — выше, чем просто искусство... Я через лошадей иду к пониманию человеческих отношений. Для меня лошади — зеркало, которое отражает то, что вы им дали. Плохих или хороших лошадей не бывает, как не бывает плохих или хороших людей. Для меня главное — выявить все лучшее, что есть в работающих у меня людях и лошадях». Потому нет никакого отбора — как среди актеров-лю-

бота как раз основана на проливании пота... Поэзия, зрелище — все это для нас, конечно, очень важно, но, мне кажется, вы в России сумеете оценить и количество вложенного труда».

За последние 15 лет Бартабас не раз бывал в России и даже снял фильм о России в Сибири, где занял только русских актеров-непрофессионалов. И в «Зингаро», говорит Бартабас, артисты не играют: они изображают сами себя, и люди, и лошади.

Лошадиный театр Бартабаса мало похож на обычные цирковые представления. Но про «неважную джигитовку» могут сказать лишь те, кто совсем ничего не понимает в театре: Бартабас меньше всего дрессировщик. «Лошадь не готова к страданиям в отличие от человека, который знает, ради чего он будет преодолевать те или иные невзгоды», — говорит он. Опыт учит: «Лошади гораздо злопамятнее людей и никогда не забывают зла».

— Месье Бартабас! Мы уже привыкли к тому, что люди искусства на Западе традиционно придерживаются левых взглядов,

В июне в рамках Всемирной театральной олимпиады пройдут выступления уникального конного театра «Зингаро»

Бартабас без своих лошадей. Фото Михаила Гутермана

вать организовать гастроль «Зингаро» и в России. Во время поездки в Москву Бартабас смог посмотреть, какой шатер строят для его театра сейчас в Коломенском. Жить актеры будут тут же, на пришвартованном к берегу Москвы-реки пароходе. Организацией гастроль «Зингаро» в Москве занимаются, помимо Международной конфедерации театральных союзов, правительство Москвы, генеральный спонсор Олимпиады «Нескафе-Россия», компания «Комстар». Генеральный перевозчик — «Аэрофлот — Российские линии», генеральный страховщик — «Восточно-Европейское страховое агентство».

В Москве Бартабас покажет спектакль «Триптих», посвященный памяти любимой лошади Бартабаса, именем которой и называется сегодня его театр. Представление в трех частях на музыку Игоря Стравинского «Весна священная» и «Симфония псалмов» и Пьера Булеза «Диалог двойной тени». По словам Бартабаса, в этом спектакле впервые идет работа с музыкой, записанной заранее, когда живые музыканты уже не смогут подстроиться под неверное или запоздалое движение танцовщиков или всадников и их лошадей. То есть прежде музыканты как бы шли за лошадьми. Премьера «Триптиха» прошла в Авиньоне год назад, в спектакле участвуют всадники, танцоры и лошади. В афише все лошади перечислены поименно: Аким, Баланчин, Барышников, Бабил, Нижинский, Нуреев, Норд, Лифарь...

«Зингаро» начинался как уличный театр и с очень простых вещей. Согласно легенде, в начале 80-х Бартабас появился на Авиньонском фестивале с одной лошадью и крысой, выступление странной тройцы имело сногшибательный успех, после чего организаторы предложили Бартабасу создать для фестиваля спектакль. Семнадцать лет назад появился театр «Зингаро», который сегодня имеет свое собственное деревянное здание в пригороде Парижа. Четыре-пять месяцев Бартабас играет в Париже, остальное время года проводит на гастролях.

«За семнадцать лет вышло всего семь спектаклей, — рассказывает Бартабас, — примерно получается, что один спектакль — за три года. По-моему, каждый спектакль должен становиться новым этапом поиска. К тому же мы никак не можем быть репертуарным театром, иметь сразу несколько названий в афише —

дей, так и среди лошадей: «В выборе лошадей мы всегда руководствуемся обаянием, как и при знакомстве с людьми. Во всем, что я делаю, — говорит Бартабас, — я руководствуюсь случаем. Лошади научили меня руководствоваться инстинктом и идти за ним».

В финале спектакля «Триптих» Бартабас выходит на сцену под звуки колоколов. И только когда уже была выбрана площадка для будущих московских гастроль, выяснилось, что этот звон записан как раз в одной из церквей Коломенского.

Спектакли Бартабаса легко обходятся без текстовой основы, главное, по словам Бартабаса, — эмоции и поэтические образы: «Я пытался опереться на какую-либо сюжетную основу, но из этого ничего не получалось. Мне кажется, что образы, музыка выше, чем текст или язык, что они самодостаточны. К тому же выбор текста означает выбор какого-то конкретного языка. Тут же возникает вопрос: а почему этот, а не другой? Всадник, сидящий на лошади, — не отдельные друг от друга лошадь и человек, а единое целое. Диалог, который вы ведете с лошадью, проходит через ваше тело, потому что вы продумываете движение, а лошадь его исполняет. Для меня здесь наличие текста — нечто неестественное».

Может быть, поэтому творчество Бартабаса трогает самых разных зрителей? В «Триптихе» — тоже нет никакого сюжета: «Каждый зритель сам себе расказывает какую-то свою историю, согласно своей чувствительности, что вообще свойственно произведениям искусства».

По словам Бартабаса, «отношения людей и лошадей в «Зингаро» подобно отношениям музыканта со своим инструментом: из скрипки Страдивари ведь тоже можно извлекать самые что ни на есть свинские звуки...».

Слушая Бартабаса, не раз ловишь себя на том, что так или иначе он возвращается к знаменитому афоризму Гейне, который сказал однажды, что чем больше он узнает людей, тем больше любит собак. Бартабас любит лошадей, кажется, сильнее, чем людей. Во всяком случае, по его мнению, драматические актеры сегодня не умеют работать: «они проливают мало пота», и видит особый смысл в том, что первый театр, пригласивший «Зингаро» на гастроль, был театр Гротовского: «они поняли, какого рода отношения существуют в нашем театре, что наша

часто — члены коммунистических партий. Каковы ваши политические взгляды?

— Разумеется, я слева, да и невозможно быть не левым, но политика как таковая меня не интересует.

— Часто с лошадьми на сцене происходят казусы. Так бывает и в опере, и в драматическом театре: лошади же не прикажешь, где ей пописать, где — покакать. Вы так много говорите о ненасилии, — что в подобных случаях предпринимаете вы?

— Я не мешаю лошадям. У нас, конечно, все предусмотрено на такой случай. Все как бы включено в спектакль.

— Ваши лошади носят имена великих танцовщиков, хореографов... Кто-то уже умер, но есть и такие, что носят имена живых знаменитостей. Как они относятся к тому, что их имена переданы лошадям?

— А им очень нравится. Бабиле, например, французский танцовщик, очень горд, что его имя носит лошадь. В «Триптихе» заняты все новые лошади, которые были взяты или, если угодно, приглашены, чтобы поставить с ними «Весну священную» и «Симфонию псалмов» и разумеется, что многим из них мы дали имена русских хореографов, чтобы таким образом поклониться русскому балету и «Русским сезонам».

— Хотя вы и говорите, что ваш театр далек от цирка, в ваших спектаклях лошади выступают на манеже. Это потому, что манеж для лошадей привычнее?

— Круг важен для меня, для моих мизансцен. Круг — важный символ для моего спектакля. Потом — постоянное движение, эволюцию, конечно, проще всего представить при помощи круга. Кроме того, если танцовщик может разбежаться и прыгнуть, то лошади, конечно, нужно много больше места, чтобы собраться. Круг позволяет интереснее работать со светом, изменением ритма.

— Лошади не готовы к лишениям, говорите вы. Если артист тяжело заболевает, он все равно играет спектакль, отмена — нечто экстраординарное для театра. Были ли случаи, что из-за болезни лошади отменяли спектакль?

— За 17 лет один раз. Мы стараемся за ними очень хорошо ухаживать, чтобы они не болели. Но «Триптих» — особый случай, здесь группы лошадей, и у нас есть на каждую группу одна лошадь, которая может заменить ту или другую лошадь в своей группе.